

Через десять дней Михаила Несторовича снова привезли на допрос, который, как и предыдущий, вел Сидоров. На этот раз показания против ученого давал младший из Дурново, Андрей Николаевич, к тому времени, как и его отец, сломленный следователями; их обоих на некоторое время задержали в Москве перед отправкой по этапу в Соловецкие лагеря для развития «дела» Сперанского. По-прежнему академик заявил, что не входил в «националистическую группу славистов» («в предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю»). Отрицательно он ответил и на новый вопрос о связях с «националистическими элементами на Украине», заявив, что с М. С. Грушевским «беседовал об Украине, но только о тяжелом положении науки на Украине, о тяжелом положении ВУАН⁷; о том, что так хорошо начатая научная деятельность за последние годы значительно сократилась».

Однако на этом допросе уже чувствуется, что кое в чем Михаил Несторович начал поддаваться нажиму следователя Сидорова. Он признал, что говоря на очной ставке с В. Н. Кораблевым о «националистически настроенной группе славистов», имел в виду Н. Н. Дурново, А. Н. Дурново, Г. А. Ильинского. Не признавая себя виновным по главному пункту обвинения, он в то же время признал себя виновным в том, что «допускал у себя на квартире встречи националистически настроенных лиц» и что сам «принимал участие в антисоветских беседах в узком кругу лиц».

Новый вызов М. С. Сперанского в ОГПУ состоялся 3 мая. На этот раз его ждала очная ставка с Н. Н. Дурново, подтверждавшим версию следователей; ее вновь проводил Сидоров. По вопросу о политических взглядах Сперанский заявил: «Кадетам я сочувствовал, но не примыкал к ним. Признаю, что настроен более националистически, чем до революции. Отрицаю, что я отношусь отрицательно к Советской власти». На обвинения о встречах на его квартире членов «нелегальной организации» он ответил: «Свою руководящую роль в кругу собиравшихся у меня лиц я отрицаю. Вернувшись из-за границы, Н. Н. Дурново мне рассказывал о том, что русские белоэмигранты ведут за кордоном политическую работу. Ничего более определенного Н. Н. Дурново мне не говорил. О русском фашистском центре и о роли в нем Трубецкого, а также о заданиях, с которыми Н. Н. Дурново приехал в Советский Союз, он мне не говорил. Согласия на участие в организации контрреволюционного характера я Н. Н. Дурново не давал».

Итак, М. Н. Сперанский поддался следствию лишь в том отношении, что признал возможность существования «организации» и даже какой-то ее деятельности во время «понедельников» в его квартире без его участия. Однако какое-либо свое участие он так и не признал, став таким образом девятым обвиняемым по «делу „Российская национальная партия“», не признавшим себя виновным.

После 3 мая Сперанского, видимо, перестали вызывать на допросы, во всяком случае их протоколов в деле больше нет. 16 июня в отсутствие обвиняемого состоялся «суд». Особое совещание ОГПУ признало ученого виновным и приговорило его к трем годам ссылки в Уфу. Однотипный приговор, но только со ссылкой в Саратов, получил в тот же день и В. Н. Перетц. Из приговора видно, что Сперанского, возможно, в связи с положением его брата, не стали все же делать «главой организации», а приговор ему, как и В. Н. Перетцу, был мягче, чем большинству осужденных в марте.

За брата снова стал хлопотать Георгий Несторович. Позднее, в 1956 г., он писал об этом Генеральному Прокурору СССР так: «Вследствие моего обращения с письмом к тов. И. В. Сталину с утверждением о непричастности моего брата к какому-либо государственному преступлению и полном отсутствии оснований для высылки его из Москвы, я вскоре был вызван Генеральным Прокурором тов. Акуловым для личных объяснений». Когда точно это произошло, мы не знаем, но сам М. Н. Сперанский был вызван на допрос к помощникам прокурора

⁷ Речь идет об Украинской академии наук.